

Валентина Кулешова

Заметки бабушки Вали

@zametki_babushki

85-летняя бабушка-блогер
читают более 40 тысяч подписчиков

Валентина Кулешова

Заметки бабушки Вали

«Издательские решения»

Кулешова В.

Заметки бабушки Вали / В. Кулешова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908138-4

В 85 лет жизнь только... продолжается! Инстаграм полон разных профилей, но такой — один. Прабабушка-блогер проживает активную старость, занимается спортом, каждый день публикует посты с воспоминаниями о войне от очевидца, рассказывает о своей юности в Москве, делится рецептами и сказками для самых маленьких.

ISBN 978-5-44-908138-4

© Кулешова В.
© Издательские решения

Содержание

Здравствуйте, уважаемые читатели!	6
Соавторы книги	7
Моя география	8
«Мы – дети войны»	9
Война забрала отца	12
Госпиталь отнял маму	15
Эвакуация и ночная кража сухарей	17
Бабушкин сундук и мамин кулеш	20
Моя мама, её вера и трудолюбие	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Заметки бабушки Вали

Валентина Кулешова

© Валентина Кулешова, 2018

ISBN 978-5-4490-8138-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Здравствуйте, уважаемые читатели!

Меня зовут Валентина Алексеевна. Я – ребёнок Великой Отечественной войны, ныне вдова. У меня есть дочка, внучка и две правнучки. А ещё я бабушка-блогер, открыла для себя Инстаграм в 85 лет и не собираюсь закрывать.

Дочь Татьяна часто спрашивает про войну, а мне тяжело вспоминать, порой до слёз. Но я отвечаю ей. Потом читаю комментарии под своими корреспонденциями в интернете – там тоже вопросы задают.

Что же остаётся делать? Только рассказывать и рассказывать. Когда была молодая, выступала перед своими работниками на заводе, а сколько речей на кладбищах по детям войны сказала – и не сосчитать.

Теперь веду блог @zametki_babushki, пишу эту книгу и хочу, чтобы люди знали о том, что такое война и каких трудов стоило остаться в живых.

Жизнь – как клубок, в котором связаны разные обрывки воспоминаний, переплетены людские судьбы, соединяются события. Где-то эта ниточка ровная и гладкая, а где-то запутанная, с узелками неожиданностей и трагедий.

Давайте попробуем распутать этот клубок вместе!

Соавторы книги

Знаете, я легко подвинусь на пьедестале, ведь не ради славы и почёта решила издать книгу, а ради памяти. Поэтому выделяю под каждой главой место для ваших слов. Вы оставляли их под моими постами в Инстаграме, но пусть истории про ваших бабушек, дедушек, родителей живут и за его пределами.

Истории слетаются со всего мира: мои заметки лайкают и комментируют из Ирландии, Австрии и Австралии, Беларуси, Германии и Абхазии, Молдавии и Португалии.

Отдельно отмечу комментаторов, которые рассказывают о войне на Украине. Для них бомбы, пули и ранения – не прошлое, а страшное настоящее. Они и сейчас есть, дети войны, только уже не Великой Отечественной. Держитесь, дорогие!

Спасибо, вы мои главные вдохновители!

Моя география

- с. Тума Рязанской области – рождение, годы эвакуации
- г. Егорьевск Московской области – детство, школа
- г. Москва – студенческие годы
- г. Каменск-Уральский – жизнь и работа на заводе КУМЗ, встреча с мужем
- г. Николаев, Украина – 30 лет жизни, воспитание внучки, рождение правнучки, смерть мужа
- г. Краснодар – возвращение в Россию в августе 2017 года

С дочерью Татьяной

«Мы – дети войны»

В 1940-м году мне было 8 лет, я пошла в школу. В 1941 году училась во втором классе. Хорошо помню день, когда началась война. Мы сидели в классе, хулиганили перед началом урока: перепрыгивали друг друга, в чехарду играли. А учительницы всё нет и нет. Оказывается, весь педагогический состав к радиоприемнику прильнул, откуда Юрий Левитан по слогам зачитывал, аж мурашки по коже шли от его голоса:

«Внимание! Говорит Москва! Передаём важное правительственное сообщение! Граждане и гражданки Советского Союза, сегодня в четыре часа утра без всякого объявления войны германские вооружённые силы атаковали границы Советского Союза! Началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков!».

Стало ли мне понятно, что произошло? Мне было 8 лет. Я была обыкновенным ребенком. Я ничего не поняла в тот день.

Помню свой первый военный сентябрь. Через Егорьевск шли отряды военных и отряды гражданских, прямо по главной улице города, по Советской. Родители запретили мне ходить из школы этим же маршрутом, просили идти по Гражданской улице. Однако любопытство увидеть танки, орудия заставляло меня и остальных ребят снова проскальзывать на главную улицу.

На свадьбе у внучки Екатерины. Украина, Николаев, 2009 год

Город просто грохотал от движения войск. И вот это бесконечное по радио: «Воздушная тревога, воздушная тревога». Сначала просто летали немецкие бомбардировщики в сторону Москвы и все это видели: Егорьевск от Москвы в 98 километрах. А потом бомбежка началась и мама моя залезла на крышу, сбрасывала эти «зажигалки». Она и ещё женщины из нашего дома дежурили по очереди. Обучали их всего один раз: показали, как пользоваться большими щипцами и как сбрасывать вниз фугаски.

Когда «зажигалка» попадала на крышу – женщины кричали от страха. Это ведь были обычные женщины из мирной жизни. Они никогда не лазили по крышам, не тушили пожары, но когда в их дома пришла беда, они просто делали то, что нужно.

Но сначала надо было детей отправить в бомбоубежище. Пошла нам мама рюкзачки из тряпок – сменная одежда в них, чтобы хоть что-то надеть, если мы придём, а дом разбомбили, записочка, кто мы и откуда и сухарей немножко. Сухарики эти были неприкосновенный запас, есть их было запрещено.

Убежище находилось недалеко, в большом подвальном помещении старой городской бани. Там были сделаны деревянные лавки, но людей всегда было так много, что сидели и на полу, подстелив фуфайки.

Однажды мы очень долго сидели с сестрой в убежище. Мама с нами не спускалась, только иногда забегала проведать нас. Людей было много, помню, что сильно плакали дети. Я сидела на полу и есть хотелось страшно. Сестра спала на лавке. Я распустила веревочку у рюкзака и решила съесть только один сухарик. Потом ещё один, пока Тамара спит. И так незаметно съела их все!

Дома я набила в рюкзак старую газету, чтобы было не так заметно, что сухарей нет. Но меня быстро разоблачили. Мама плакала вместе со мной, но достала папин ремень, требуя, чтобы я дала слово никогда так не делать. Сестра меня тоже ругала и стыдила. Перед ними обеими я поклялась больше никогда сухари из рюкзака не есть.

Краснодар, 2017 год

Вспоминаю рассказы своей бабушки о войне. Ей было всего 4 года, жили в Нижнем Новгороде (тогда город Горький). Самое страшное – как бомбили Горьковский автомобильный

завод, как они сидели в сыром подвале во время налетов, как соседские дети, нашедшие во дворе фугас и играющие с ним, подорвались и сгорели, как фрицы, проходящие мимо дома, зазывали их «киндер, киндер»...

Слава Богу, ни я, ни мои дети не пережили сидения в подвалах. Когда самолеты пролетали над нами, и ходили слухи, что бомбили с самолетов, когда ближайшие попадания были в трех км от дома и на улицах было абсолютно пусто, ни людей, ни машин, я собрала детей и уехала к сестре. Думала на неделю-две. Оказалось, на год. И по сей день мы прислушиваемся, что происходит на Украине. Некоторые из тех, кто пережил бомбежки, не выезжая, осуждают тех, кто выезжал. Но я считаю, что правильнее детей оградить от этого жуткого опыта. Есть одно значительное отличие. В 1941—1945 всем было понятно, кто с кем воюет и за что. А сейчас – нет, детям мне сложно объяснить.

Как только начались бои под Луганском, мы с сыном выехали сразу оттуда в 2014, в начале июня. А вот бабушка и дедушка, ровесники Валентины Алексеевны, остались. Сказали: «Чему быть, того не миновать» и пережили все ужасы войны повторно. Не передать словами, какие это были дни, когда мы не имели связи с ними, зная, что над их деревней идут миномётные бои... Дед у нас тоже «продвинутый», и когда обстрелы прекращались и они возвращались из подвала, бабушка шла быстро готовить еду, пока было электричество, а дед набирал нас в скайпе и сообщал, что всё в порядке.

Война забрала отца

Папа все силы отдавал фронту. Официально его взяли на фронт в 1942 году, но и в самом начале войны мы его видели считанные разы. Мы не знали, чем он занимается: были малы, да и не вдавались в подробности.

В один из дней, перед самой эвакуацией в Туму, осенью 1941 года я пришла из школы и увидела перед нашим домом в Егорьевске грузовую машину. Машина была леспромхозовская, с дровяными топками по бокам. В кузове сидели мужчины, тепло одетые, в шапках-ушанках, некоторые были уже очень пожилые и ушанки завязаны внизу, под подбородком. Были среди них и совсем мальчишки.

Борта машины были откинuty и часть мужчин ещё только забирались в кузов. Я догадалась, что приехал отец и пулей влетела домой. Первая мысль была: «Папа что-нибудь нам привёз?!». Но спросить ничего не успела, потому что родители уже начали свою беседу:

– Шура, будет возможность – приеду. Если нет, я вас прошу, будьте аккуратны и бдительны.

– Алёша, скажи мне, куда вы едете? На фронт?

Я вцепилась в похудевшего, почерневшего отца и слушала его ответы.

– Да, на фронт, но не на передовую. На фронт я везу полные кузова чурок, где меня уже ждут 10—15 машин без топлива. Задыхаемся, не хватает людей. В машине сидят добровольцы, будут помогать пилить чурки. Не знаю, справимся ли, но других людей просто нет. Кого-то возьмем к линии фронта, помогать разгружать чурки. А то я приезжаю, а мне кричат: Казанцев, нам что, винтовки бросать и разгружать твои машины?

Отец расцеловал нас и уехал. Помню, что вечером мы с сестрой ели что-то вкусное и потом крепко спали. В следующий раз я увидела отца только в 1946 году.

Муж Анатолий с дочерью Татьяной

Целый год он обеспечивал Красную Армию деревянным топливом для вездеходных автомобилей со снабжением для фронта. Мы понятия не имели, где отец. Мы просто потеряли его. Мама его искала по всем военкоматам. Не понимала, почему всем хоть «треугольнички» почтальоны приносят, а нам – ничего. В конце концов, ведь и похоронка тоже известие. Потом пришел к нам знакомый военный и рассказал, что папа служит в стратегических частях и у него особые заслуги перед Отечеством.

Бензина не хватало, топки с чурками на грузовых машинах были блестящим выходом. На фронте формировались автомобильные батальоны, снабжённые газогенераторными машинами, работающими на берёзовых чурках. Отец доезжал до фронта с эшелоном из пятнадцати машин, а возвращался иногда с четырьмя, остальные попадали под бомбежку.

Только через год отец прислал нам первый «треугольничек», из госпиталя. Его ранило в левое лёгкое, у него через всю спину остался шрам. Но после операции его не комиссовали домой, а снова забрали работать на нужды фронта. Поэтому и домой папа вернулся только спустя год после Победы.

Помню этот день: я пришла из школы и увидела, что папа спит на диване, а на стуле висит его гимнастерка с медалями. Папа был мой и не мой: вроде тот же, но почему-то весь седой. Из наград в памяти осталась медаль «За отвагу!» и грамота с гербовой печатью, по которой нам выделили участок земли со срубом. Так мы начали строительство своего деревянного дома в Егорьевске.

А может, не было войны?!

А может, это нам приснилось?!?!... Те звуки взрывов и стрельбы...

Как в диком страхе сердце билось...

*А может, просто взять – забыть?! Как будто это показалось,
Что мы не можем дома жить,
Что спать в подвале оставалось... Забыть, укладывая спать
В другой стране в чужой кровати
Сыночка, что пришлось бежать,
Оставив дом свой, без оглядки... Оставив близких и родню,
Оставив детские игрушки...
Перечеркнув всю жизнь свою
И горько слёзы лить в подушку... Как дальше радоваться-жить?!!!
Когда родные под обстрелом...
А ты не можешь рядом быть...
Помочь не можешь словом... делом...
Не знаешь, как их поддержать...
Чтоб хоть немножко легче стало —
Шутить, грустить, сидеть, бежать...
Всё сердце в клочья разорвало... Нет, не забыть нам, что война!
Весь этот ужас не приснился!!!
Переживём, ведь жизнь – одна!
Из пепла снова возродимся!!! Найдутся силы жить с нуля,
Точнее: с минуса – правдивей...
А жизнь у каждого – своя,
Пусть будет мир в огромном мире!!!*

Госпиталь отнял маму

Когда папа пропал, мама поступила работать в госпиталь. Наш Егорьевск оказался на таком перепутье, что в нем было больше всего госпиталей на всё Подмосковье. Его так и называли: «город госпиталей». Маму взяли санитаркой. Няня Шура все её звали. И она перестала быть нашей мамой, совсем не могла с нами быть столько времени, сколько раньше.

У нас дома был телефон: провели, чтобы отца вызывать по срочным вопросам. Стоял аппарат в родительской спальне. Только теперь по ночам звонок раздавался не для Алексея Казанцева, а для его жены Александры: «Пришли две „летучки“ с ранеными. Срочно нужна ваша помощь, ждём!». «Летучками» называли поезда с фронта, в которых везли раненых.

Мама таскала на себе пострадавших на третий, на четвёртый этаж. Через полгода такой каторжной работы у неё было выпадение матки, это был ужас. Я это забыть не могу. А ведь маме было всего 29 лет. Были и санитары-мужчины, но потом их не стало – ушли на фронт.

Однажды мама пришла с работы и очень долго и сильно плакала. Мы с сестрой решили, что из-за папы, но она так ничего и не рассказала. Много позже я узнала, после того, как мужчин санитаров не осталось, маме ещё поручили выносить из палат умерших и везти их на каталке в морг.

С правнучкой Александрой

Для неё это было очень тяжело. В госпитале был строгий порядок, от поручений и тяжёлых работ отказываться тогда было нельзя: даже врачи порой таскали на себе раненых. Но при этом персонал два раза в день кормили: в обед и вечером.

Иногда мама не выдерживала и делилась с нами событиями из жизни госпиталя:

– Привозят таких тяжелых, детки мои. Сегодня такого молоденького привезли, без ног и одной руки, а он стесняется утку попросить, что писать хочет.

Мы начинали плакать вместе с ней, но она быстро брала себя в руки, начинала улыбаться и спрашивать нас: «Как прошел день?».

Уже много позже я узнала, что в военные годы в одном из госпиталей в Егорьевске работал и знаменитый хирург Николай Амосов, будущий академик.

Мой дедушка воевал под городом Старая Русса. Ему было 29 лет, когда в бою он получил ранение: осколками раздробило ногу. В госпитале врач хотел ампутировать, но дедушка не дал. Молодая девушка-санитарка пожалела его. Был февраль. Ночью она на санях перетаскала его в другой госпиталь! Ногу сохранили.

Одна моя бабушка была в оккупации под Житомиром. Город 4 раза переходил из рук в руки, пока его не освободила Красная армия. Они с мамой часто прятали партизанов и диверсантов. Её брат был партизаном, потом ушел на фронт, ныне живет в том же родном доме. Дед по малолетству работал на заводе в эвакуации, стоял на снаряде, чтобы дотянуться до станка. Другая бабушка была медсестрой, на фронте вытащила на себе не одного бойца (рост 158 см, потаскай-ка на себе мужиков!). Другой дед дошел до Берлина, принимал участие в параде в Берлине. Я внучка героев, я горжусь.

Эвакуация и ночная кража сухарей

Второй класс я не закончила в родном Егорьевске. Уже в октябре 1941 года нас с сестрой, как и других детей работников леспромхоза, эвакуировали в Туму Рязанской области. Там жила наша бабушка. И там я родилась – рядом с деревней Константиново, где появился на свет поэт Сергей Есенин. Мы туда за грибами ходили пешком от нашей Тумы.

Октябрь выдался холодным, а мы ехали в эвакуацию в кузове грузовой машины – одни, без родителей. От тряски у меня слетели валенки и ноги очень замёрзли. В село я приехала простуженная и бабушка сразу положила меня на печку. Но оказалось, что приехали не только мы с сестрой, но и ещё семеро бабушкиных внуков. У матери было 5 братьев и 4 сестры и все они своих детей отправили в Туму. Получилась семья из тринадцати человек, за столом все не усаживались одновременно.

У бабушки была корова. И эта корова должна была телиться: то есть не было у нее молока в тот момент, когда мы все нагрянули. Мы, дети, ходили постоянно в коровник и просили: «Чернушка, ну скорей ты телись!». Мы толком не понимали, что это значит, но знали, что когда Чернушка отелится, то у нас будет хоть по ложке молока, чтобы забелить какой-то непонятный суп, который бабушке удавалось сварить.

Правнучки Арина и Александра

Был голод! Самый настоящий голод. Мне 86 лет исполнилось 31 марта 2018 года, но я этого никогда не смогу забыть. Это были первые в моей жизни по-настоящему тяжелые дни.

Сидели все за большим столом, ложки были деревянные, дедушкой сделанные. Обыкновенные, круглые русские ложки. Бабушка всех ругала, кто капнет или прольет. Еды было очень мало: встал из-за стола, а есть хочется ещё больше.

С наступлением весны 1942 года есть было совершенно нечего. Бабушка ухитрялась нас кормить вместо хлеба драченой – это отруби, очистки картошки или мороженная картошка, за остатками которой мы ходили в поле зимой. Плюс добавлялась ложка муки из запасов бабушки.

Ещё бабушка кормила нас не то супом, не то щами из едва появляющейся ботвы свеклы. А когда корова отелилась, щи забеливались двумя-тремя ложками молока. У моей старшей сестры от голода опухали ноги, а я как-то справлялась.

Но пришло и счастье в нашу огромную семью. Мама в Егорьевске каждый кусочек хлеба сушила и однажды на попутной машине переправила нам целый мешок сухарей. Мы плясали и кричали от радости, когда бабушка к чаю дала по одному чёрному сухарю и половинке белого. Но сама бабушка никогда не садилась с нами за стол.

Двоюродный брат Ванюшка, мой ровесник, стал уговаривать меня ночью залезть в чулан, где хранились сухари, которые передала мама из Егорьевска. Ключ от чулана бабушка носила на шее, на веревочке. Всё же Ванюшка придумал, как ночью взломать замок. Мы с ним пробрались в чулан, Ванюшка сразу стал есть сухари и сильно хрустел. Я вся дрожала от страха, а он наелся сухарей чёрного хлеба и уже выбирал со дна мешка белые, когда нас «накрыл» дед. Все проснулись, нас стыдили, я сильно плакала на печке, а Ванюшку закрыли в дедовой комнате. Я слышала, как бабушка горько плакала, а дед утешал её, что всё не так плохо, раз уже «чёрные пропускали, а выбирали белые сухарики».

Наша краснодарская кухня

У моей бабушки была похожая ситуация: во время войны они жили под Москвой, в Клину. Мать послала её на соседнюю станцию выменять юбку на хлеб. Бабушка, а ей тогда было 16 лет, выменяла юбку, села в вагон, чтобы отправиться домой с буханкой хлеба. Дома ждали мать, две младших сестры и брат. Пока ехала, не заметила, как по крошке съела половину хлеба. Не знала, как матери на глаза показаться. Мать её тогда сильно побила.

Бабушка всегда говорила, не дай Бог нам пережить такой голод. Царствие ей небесное, моей любимой бабушке, Евдокии Сергеевне.

Мой дедушка участвовал в Сталинградской битве, пролежал большие сутки под землёй, пока его ординарец не нашёл... Участвовал в Ясо-Кишинёвской операции, обеспечил необходимую связь в месте, где до него не получалось этого сделать, за что тропу, по которой провели связь, назвали в честь него. Бабушка также переносила все тяготы службы, стоя на морозе по 12 часов... Другой мой дедушка тоже воевал. Горжусь ими, помню и благодарна за то, что у меня такие родные.

Дедушка по маминной линии был контужен и его братья не вернулись с фронта. Жили мы в Прибалтике, а бабушки и дедушки в/на Украине (много споров о том, как правильно, но ведь не это важно). Помню, что дед не любил Запад и советскую власть – когда приезжали летом в гости (до распада СССР), дедушка смотрел новости и «ругался с телевизором». Потом распад СССР, 90-е, ездить к ним стало дорого и сложно (поездом через белорусскую и польскую границу). Поэтому в последний раз я их видела, когда мне было 12. А сейчас мне 35, дедушки и бабушки уже нет в живых.

Бабушкин сундук и мамин кулеш

Моя бабушка Саня родилась в 1894 году. Мама моя была у неё первым ребенком и родила её бабушка Саня в 17 лет. Александра – наше родовое имя для женщин. Бабушка Саня тоже была первым ребенком в своей семье и тоже была названа Александрой в честь своей матери. Три поколения подряд старших дочерей в нашей семье называли Сашами, а теперь у меня есть правнучка Сашенька.

Всего детей у бабушки Сани было девятеро, а родов одиннадцать. Дочерей было четверо, остальные сыновья и те почти все были двойней.

Бабушка моя была высокой, с узкой талией и высокой грудью, с крепкими ногами, икры были как у мужчины. Она никогда не сутулилась и всегда ходила с гордо поднятой головой.

Моё первое воспоминание о бабушке – лет в пять, до войны. Мы с мамой приехали в Туму и я помню, как одевалась бабушка. Ходила она в темной юбке и белых кофточках из поплина или сатина прямого кроя, которые заправляла в юбку с оборкой на поясе. Кофточки она всё время меняла. Помню, что как-то сидела рядом с ней, а она шила себе очередную кофточку. Ещё у неё был красивый зипун горчичного цвета, отрезной по талии, с поясом, более светлым, чем цвет зипуна, и воротник шалькой из цигейки, того же цвета, что и пояс.

Я очень люблю стихи Сергея Есенина и особенно одно, «Письмо матери». Когда читаю эти строки, всегда вспоминаю свою бабушку Саню.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

С бабушкой Саней долго жила её самая младшая дочь, моя тетя, Нина. Она-то и была самым частым и правдивым рассказчиком историй о нашей бабушке Александре Яковлевне. Одна из таких историй – про сундук.

Дом в Туме был большой, деревянный, мебели было совсем мало. Тем заметнее и притягательнее был бабушкин огромный высокий сундук из цветного железа. Нам, детям, в него лишний раз заглядывать не разрешалось. Но порой тетя Нина просила меня помочь поддержать тяжелую ручку с одного края сундука, потому что в одиночку его открыть было почти невозможно: «Валенок, ты оттуда помогай, а я с другого края». Мы открывали сундук и крышка «стояла». Крышка была чем-то особенным – в ней было много отделений в виде шкатулок.

– Вот здесь было золотое ожерелье, а в этой шкатулке серьги, а здесь хранились гребни для волос с камнями, а здесь когда-то были браслеты, – рассказывала мне тетя Нина. Оказалось, моя прабабушка, мать бабушки Сани, знала французский, носила корсет и учила манерам своих дочерей.

Я в студенческие годы

Так что у мамы моей было богатое приданое, папа даже возмущался. Но бабушка Саня выдавала замуж свою старшую дочь и очень старалась для неё. Узнать о происхождении тех фамильных драгоценностей мне так и не удалось, а мамино приданое спасало нас в Егорьевске от голода во время войны. Помню, когда на дне оставалось совсем немножко вещей. И помню, как по-разному мы это воспринимали.

Мама сидит, перебирает платья, отрезки ткани, обувь и оценивает, за сколько можно продать. Тамара подсказывает: «Вот этот платок стоит 2 стакана пшена, давай продадим, ты нам кулеш сварить». Я думаю: «А вот с этим поиграть бы, в это нарядиться». И это было каждый день! Пока немцев не отогнали от Москвы.

Весной 1943 года было особенно голодно. Мама доставала из сундука очередную юбку или чаще всего полотенца из приданого – мы шли втроём на рынок и продавали. В военные годы все женщины превратились в старух: носили в основном одежду тёмных цветов, много было женщин в чёрных платках. Ещё носили «спецовки», их выдавали на работе и зачастую на рукаве или спине этой спецовки были слова «Враг будет разбит, победа будет за нами».

Одевались в то, что было и не задумывались. Помню, озаботилась тем, как бы одеться понарядней, когда в 1942 году пошли с сестрой в кино: ей в школе дали два билета. Мне было 10 лет, шёл фильм «Парень из нашего города» – история о саратовском парне, который стал танкистом. Одноклассники сестры во время просмотра щёлкали семечки и запах стоял головокругительный, дразнящий. Мне очень хотелось есть, но попросить было стыдно.

А рецепт кулеша до примитивности прост: пшено и вода. С тех пор пшено не люблю, правда, иногда варю пшённую кашу с тыквой в скороварке, но всегда, как вижу эту жёлтую крупу, вспоминаю войну и мамин кулеш.

Моя бабуля жила на границе с Польшей около Бреста в селе под Барановичами. Семья была многодетная, в 3 года она уже пасла корову, помогала по дому. Их раскулачили и сослали в Сибирь, младшая была ещё грудным ребёнком, в дороге она умерла первая. Моя бабуля заболела тифом, её сняли с поезда в Башикирии умирать, но она выжила и попала в интернат. Тяжело ей пришлось, так как она не знала русский язык. Голодали, ели траву, выкапывали мёрзлую картошку в полях. О своей семье она так и не узнала больше ничего, искала, была на родине, но ничего не известно! Её пять лет назад не стало, она была очень добрым человеком, родила и воспитала троих детей, внуков.

Мой дед был пленен и вернулся домой только в 1946 году, естественно, как враг народа. Когда их этапировали из плена много недель пешком, пайка предусмотрено не было вообще, и они ели ворованную сырую кукурузу с полей и варили мамалыгу. После войны дед кукурузу не переносил ни в каком виде.

Я до сих пор помню свою бабулю, которая расплакалась когда мы с двоюродной сестрой не захотели кушать картошку, которую бабуля сварила с укропом и сливочным маслом... Хорошо мне тогда досталось от мамы: она рассказала, что бабушка в войну вместе со своими двумя сестрами и братом ели картофельные очистки... Как горько и больно мне было когда я это узнала! И своему сыну я рассказала про войну, про голод, про все ужасы этого времени...

Моя мама, её вера и трудолюбие

Казанцева Александра Георгиевна, 1911 года рождения. Высокая, статная, сильная, строгая, гордая женщина.

Родители мои познакомились в лесу. Отец мамы был лесником, а наш будущий папа закончил лесотехнические училище в городе Елец Липецкой области и приехал перенимать опыт. На ту пору к леснику приехала дочь и папа сразу влюбился. К своему удивлению оба узнали, что... Казанцевы! Она Казанцева Александра Георгиевна, а он Казанцев Алексей Георгиевич. Удобно, фамилию менять не надо. Больше они не расставались и прожили вместе долгую жизнь. И очень часто, нам, дочерям, а потом и внукам не раз утверждали, что корни их из одной деревни – Казанцево.

Хранится в нашей семье вот такой рассказ отца: то ли быль, то ли небыль. В эпоху царствования Екатерины II, в русско-турецкую войну в борьбе за Крым был такой герой – Казанцев. Во время боя на Большом кургане он героически сражался и даже потерял ногу. О подвиге тех «солдатушек-ребятушек» узнала матушка-царица и решила их наградить «за неустрашимую храбрость и верность». Сама спросила, кто чего желает. Большинство согласилось на деньги, а Казанцев попросил земли.

– Крепостных завести хочешь? – спросила царица.

– Нет, братьев своих хочу позвать, рядом жить, на свою землю, чтоб род Казанцевский известным стал.

– Так тому и быть! Получи, Казанцев, титул и грамоту на землю.

Так и «началась» деревня Казанцево. Уже позже Екатерина Великая издала указ о создании Орловской губернии, куда вошла и наша родная деревня.

Мама пережила сталинские репрессии – наш папа был арестован по доносу в 37 году, два года она его ждала.

Пережила Великую войну и сберегла детей.

В военном госпитале санитаркой носила на себе раненых. Была награждена медалью, но никогда её не надевала.

Всю жизнь любила только одного мужа и даже не знала, что бывает по-другому. Всегда была на полшага позади папы, но всегда за ним и для него, и всегда делала только так, как он скажет.

До сих пор у меня в памяти мамин голос, как она обращается к отцу: «Алёш, антоновка-то поспела?», «Алёш, я в церкву, скоро вернусь, будем обедать», «Алёш, что завтра-то, за грибами?».

Она свято верила в Бога, но не знала ни одного церковного праздника. Не имела никакого образования: ходила в приходскую школу при церкви, но даже расписаться не могла. Папа же был атеистом, но знал все религиозные праздники наизусть: окончил гимназию, где отдельным предметом был «Закон Божий». «Алёш, сегодня-то что?», «Шур, сегодня Покрова».

Несмотря на это, конфликтов на религиозной почве я не помню. Мама всегда ходила в церковь, всегда крестилась, папа смеялся над ней, однако нас не разрешал крестить и брат

в церковь. Помню, как к нам в гости приехала мамина сестра, мне тогда было лет пять – и уговорила маму втайне от папы меня окрестить.

Утром, пока папа был на работе, мы это осуществили и вернулись домой как раз ко времени, когда папа приходил домой обедать. Сидит он за столом, кушает, а я к нему подхожу и хвастаюсь, что мы были с мамой и тётёй в таком интересном месте: там много картин и странный запах. Папа спросил маму: «Где это вы были?», а мама с тётёй Клашей переглянулись и говорят: «В цирке». Но я продолжаю щебетать, рассказала папе, что меня там искупали и подарили подарок. Он обо всём догадался, но ничего не сказал. Уже когда я подросла, часто гладил меня по голове и говорил: «Валёнок, ты у нас одна крещёная, мама не утерпела всё-таки».

И курьезный случай помню. Однажды мама меня взяла в церковь в Егорьевске на Пасху. Когда батюшка проходил мимо и окроплял куличи и яйца святой водой, капли попали и на меня. Я выскочила вперёд и стала танцевать, напевая: «Дождик, дождик!». Больше мама меня с собой не брала.

В провинциальном деревянном Егорьевске мама дружила со всеми соседями. Хранила платья и украшения в фамильном сундуке и всегда нарядно одевалась, чему и нас с сестрой научила. Вырастила двух дочерей и трёх внуков. Признавала только русскую баню. Научила меня печь свои фирменные плюшки. Кормила семью за большим столом, в самой большой комнате, всегда на белой скатерти. Когда нам с сестрой было трудно, сразу приезжала на подмогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.